

настоящее и силу самого отношения к тому, чем он сам не является» [7]. Сложность, объемность поэтических образов Поля Элюара позволяет применить в их интерпретации принцип одновременного сходства и различия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великовский С. И. Поль Элюар. Вехи жизни и творчества // Paul Eluard. Poèmes. Поль Элюар. Стихи. Перевод М. Н. Ваксмахера. Статья и комментарий С. И. Великовского. Серия «Литературные памятники» М.: Наука, 1971.
2. Деррида Ж. Различение // Ж. Деррида. «Голос и феномен» и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: Алетейя, 1999. С. 169-208.
3. Éluard Paul. J'ai un visage pour être aimé (choix de poèmes 1914-1951). Gallimard, 2009, 445 p.
4. Derrida J. Positions. P. 1972. 136 p.
5. Derrida J. La dissemination. P. 1972. 406 p.
6. Tzara T. Le surrealisme et l'après-guerre, K, 1947. P. 18.
7. Tzara T. Introduction, in: — G. Hugnet. L'aventure Dada. P. 1957. P. 3.

М. И. СЕЛИВЕРСТОВА

НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ МЫШЛЕНИЯ ГЕРОЕВ В РОМАНЕ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается проблема взаимодействия устной и письменной культур в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго». Примеры свидетельствуют об ущербности устной культуры в романе.

SUMMARY: The article is dedicated to the problem of interaction between oral and written traditions in the novel. B. L. Pasternak's "Doctor Zhivago". Examples show the inferiority of oral tradition in the novel.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фольклор, фольклорные тексты в романе, устная культура, письменная культура.

KEY WORDS: folklore, folklore texts in the novel, oral tradition, written tradition.

Роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» «наполнен скрытыми и явными отсылками — от прямых упоминаний до стилистических реминисценций — к самым разнообразным фольклорным жанрам» [Гаспаров, 1990: 239]. Среди цитируемых произведений народно-поэтического творчества в романе можно обнаружить тексты уральских частушек, заговоров, былин, народные приметы и поверья.

Персонажи, связанные с миром народной культуры (возница Вакх, солдатка-знахарка Кубариха, кухарка Устинья, дворник Маркел, лавочница Галузина, партизан Свирид из «Лесного братства»), являются носителями фольклорного слова в романе, и цитируемые тексты народных произведений представлены в

их «живом» исполнении. Живое исполнение так или иначе комментируется Живаго, он передает голос народного мира, устную речь посредством письменного текста.

Вакх затягивает «обрывки частушек, в былые времена сложенные на здешних заводах» [Пастернак, 2001: 314]. При сравнении их с частушками из сборника В. П. Бирюкова «Дореволюционный фольклор на Урале» очевидны изменения, прежде всего, грамматических и фонетических форм исходного текста. Под «шегерем» подразумевается «штейгер» — мастер рудных работ, под «Селябой-городом» — Челябинск. Но Вакх вносит и свои собственные изменения («плове», «гребе», «нимом», «некрута»). Видимо, такая «интерпретация» дана для усиления впечатления абсурдности и непонятности народной культуры.

Текст Вакха	Текст из сборника Бирюкова
Прощай, главная контора, Прощай, шегерь, рудный двор, Мне хозяйский хлеб приелси, Припилась в пруду вода. Нимо берег плыве лебедь, Под себе воду гребе, Не вино меня шатая, Сдают Ваню в некрута. А я, Маша, сам не промах, А я, Маша, не дурак. Я пойду в Селябу-город, К Сентетюрихе наймусь. [Пастернак, 2001: 314-315]	Прощай, главная контора, Прощай, шегерь молодой, Прощай, милый, чернобровый, Расстаюся я с тобой. Не вино меня шатает — Меня горюшко берет. Я не сам иду в солдаты — Меня староста ведет. Возле берег плывет лебедь, Под себя воду гребет. На кого была надежда, Тот в солдатики уйдет. Мне сказали, гуси пали — Гуси по мосту идут; Мне сказали, Ваньку женят — Ваньку в рекруты берут. [Погорелова, 1995: 162]

Такая передача текста, «неумолчная болтовня... старого чудаковатого возницы, в которой следы исчезнувших древнерусских форм, татарские наслоения и областные особенности перемешивались с невразумительностями его собственного изобретения» [Пастернак, 2001: 314] может быть истолкована в разных аспектах.

Во-первых, «в интерпретации Живаго бесконечные и беспорядочные повторы и наложения, контаминации, совмещения различных источников, характерные для поэтики фольклора, предстают в качестве одной из наиболее действенных моделей духовного преодоления времени. Иными словами, то, что на поверхности, при «плоскостном» рассмотрении легко может быть принято за хаос и деградацию, приобретает высший смысл, как только становится понятна «контрапунктная» природа рассматриваемого явления» [Гаспаров, 1990: 239].

С другой стороны, «цветистая болтовня» старого возницы соответствует идее, выраженной словами Веденяпина, по которой «из блокнотного накапливания и большого количества бессмыслицы никогда не может получиться смысла, что фактов нет, если человек не вносит в них чего-то своего, какой-то доли вольничавшего человеческого гения, какой-то сказки» [Пастернак, 2001: 147].

Такая затрудненная, витиеватая речь старика может свидетельствовать и о «многозначительном косноязычии» (по определению А. Ф. Лосева), об отражении в речи традиционной модели мира, о скрываемом в формальной структуре текста определенном мифологическом пласте, контрастном культуре нового времени и потому плохо понятном человеку, ею воспитанному.

По словам Г. Гачева, «национальный склад мышления закреплён в словесности народа» [Гачев, 1988: 53]. Представления о миропорядке, пространстве и времени, ценностях отражены в языке, и это есть свидетельство склада мышления, способа представления мира в сознании.

Свой способ объяснения событий народные персонажи переносят на историю, и о революции судят в категориях мифологического сознания. Например, красное знамя, бывшее для революционеров символом крови, революции, призыва к активным действиям, представляется Кубарихе затеями мифологической Моровой девы: «Или опять это ваше знамя красное... Думаешь, это флак? Ан вот видишь, совсем оно не флак, а это девки-моровухи манкой малиновый платок... Молодым ребятам платком махать-подмигивать, молодых ребят манить на убой, на смерть, насылат мор» [Пастернак, 2001: 422]. Моровой девою называют чуму и всякую повальную болезнь, смерть. По народным представлениям, она обходит дома и просовывает руку в окно или дверь, размахивая при этом красным платком [Афанасьев, 1995: 57]. И то, и другое толкование в рамках своего космоса представляются логичными.

Особенности мировосприятия народных персонажей отражены непосредственно в фонетическом, грамматическом и синтаксическом строе их речи. Слова из одной культуры находят «свою» фонетическую огласовку и толкование, наполняясь новой семантикой.

Гошка Рябых объясняет Тереше Галузину смысл непонятного ему «про социализм» слова: «Саботажник — это кто с другим из одной шайки. Раз сказано соватажник, стало быть, ты с ним из одной ватаги» [Пастернак, 2001: 376]. При столкновении двух значений слова (настоящего и народного) возникает «эффект зеркала». Подобное раздвоение характерно для смеховой культуры. «Смеховое эхо» так или иначе связано со смыслом обеих частей. Со смыслом оно может быть связано прежде всего отрицанием смысла. Оно нередко несет в себе немалый заряд смехового обесмысливания, иначе говоря — своего образного «осмысления» [Лихачев, Панченко, 1970: 54].

Аналогичным примером «смехового эха» является объяснение Свирида, его рассказ Ливерью Микулицыну о «солдатке-шептунье» Кубарихе: слово «ветеринарка» он «интерпретирует» как «ветренянка»: «Я и говорю, бабой-ветренянкой, животные поветрия лечить» [Пастернак, 2001: 417]. Поветрием в

народе называют болезнь, а ветеринар — это специалист по болезням животных. От народного слова «поветрие» и современного «ветеринар» рождается новый смысл, совмещающий в себе два изначальных.

Такие истолкования слов связаны со спецификой народной культуры прежде всего как культуры устной, для которой характерно восприятие на слух, и, как следствие, изменение и искажение звукового образа слова и его семантики.

По мнению фольклористов, прочность и устойчивость традиций, характерная для устной культуры, свидетельствуют о творческом воспроизведении, а не пассивном запоминании фольклорных текстов. В памяти сказителя хранятся основные формулы, общая схема текста, на основе которых и создаются варианты. Однако вариативность, свойственная фольклору, в романе интерпретируется особым образом и оценивается как явление негативнее, свидетельствующее об ущербности персонажа.

Примером такого искажения является 90-ый псалом, найденный Живаго в ладанке убитого телефониста и в золотом футлярчике Сережи Ранцевича: «Бумажка содержала извлечения из девяностого псалма с теми изменениями и отклонениями, которые вносит народ в молитвы, постепенно удаляющиеся от подлинника от повторения к повторению. Отрывки церковно-славянского текста были переписаны в грамотке по-русски.

В псалме говорится: «Живый в помощи Вышнего». В грамотке это стало заглавием заговора: «Живые помощи». Стих псалма: «Не убоишися... от стрелы летящая во дни (днем)» — превратился в слова ободрения: «Не бойся стрелы летящей войны». «Яко позна имя мое», — говорит псалом. А грамотка: «Поздно имя мое». «С ним семь в скорби, изму его...» стало в грамотке «Скоро в зиму его» [Пастернак, 2001: 388].

Получается, что магией слова обладает изначальный текст, а не его искаженный вариант, теряющий вместе с правильным написанием и смыслом слов и свою магическую, чудодейственную и оберегающую от пуль силу: «У выжившего белогвардейца текст аутентичен и, как «амулет» спасает его от пули. В народе живут идеи, которые приходят к нему из высших классов, но от повторений и искажений перестают работать» [Эткинд, 1999: 75].

Утрата творческого начала приводит к распаду самой народной культуры под воздействием «чужого» письменного слова. Это подтверждается возникновением фамилии дочери Лары и Юрия Живаго — Таньки Безочередевой: «Она из беспризорных, неизвестных родителей. Наверное, где-то в глубине России, где еще чист и нетронут язык, звали ее безотчею, в том смысле, что без отца. Улица, которой было непонятно это прозвище и которая все ловит на слух и все перевирает, переделала на свой лад это обозначение, ближе к своему злободневному площадному наречию» [Пастернак, 2001: 582-583].

Приведенные примеры свидетельствуют о столкновении и взаимодействии двух типов культур и мышлений в романе — секуляризированного и мифологического, основанного на традиции, причем они выявляют пагубность совре-

менных влияний на народную культуру, процесс обесмысливания ее, поскольку утрата ритуальной основы культуры ведет к ее формализации и вырождению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 томах. Т. 1. М.: Современный писатель, 1995. 400 с.
2. Гаспаров Б. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Дружба народов. 1990. № 3. С. 239.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988. 448 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. СПб., 1996.
5. Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с.
6. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.
7. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. М.: Эксмо-пресс, 2001. 624 с.
8. Погорелова М. Фольклорные тексты в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Русская филология. Тарту. 1996. № 6. С. 158-168.
9. Эткинд А. Кто написал «Доктора Живаго»? // НЛО. М., 1999. № 37. С. 70-82.

Г. В. СЕРЖЕНКО

ФЕНОМЕН ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ НЕГАТИВНЫХ МАРКЕРОВ

АННОТАЦИЯ Работа посвящена категории отрицания, в частности — явлению терминологизации на материале негативных маркеров.

SUMMARY: The work is devoted to the category of negation, to the phenomenon of terminologization, in particular.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: негация, аффикс, термин, имплицитная / эксплицитная негация.

KEY WORDS: negation, affix, term, implicit/explicit negation.

На нынешнем этапе языкознания особое внимание фокусируется на изучении научной картины мира, а также терминов, их статуса, происхождения и функционирования. Объектом исследования данной работы выступает категория отрицания, предметом — феномен терминологизации на основе негативных маркеров.

Проблема отрицания в научном мире считается важной общелингвистической проблемой. Значение “общее” обусловлено универсальной логической и философской структурой, а также характеристикой категории отрицания [Пенжиева, 2001: 1].

Отрицание — это устоявшаяся и фиксированная категория в русском и английском языках, которая представлена парадигмой регулярных маркеров негации.

Отрицание является утверждением второй степени [Блауберг, 1998: 277-278]. Утвердительное предложение, таким образом, представлено при помощи негативных маркеров.